

Reviews Рецензии

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-3-881-891
УДК 242-24

Рецензии
Review

[Рец. на:] Донец А. М. (пер.), Лепехов С. Ю. (ред.). Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная». Аштасахасрика Праджняпарамита Сутра. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; 2017

В. П. Андросов

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9653-7678>, e-mail: vandrosov@yandex.ru*

[Review on:] Donets A. M. (transl.), Lepekhov S. Yu. (ed.). Sutra “Prajna-paramita, the Eight Thousandth”. Aṣṭasāhasrika Prajñāpāramitā Sutra. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2017

V. P. Androsov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9653-7678>, e-mail: vandrosov@yandex.ru*

В Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН трудится замечательный ученый Андрей Михайлович Донец, широко известный на российских просторах буддолог и тибетолог XXI в., который с 2004 г. публикует монографии, брошюры¹, статьи, посвященные сложнейшим проблемам изучения философии и практики буддизма, а также переводы с тибетского. Последние включают в себя как тексты из Кангьюра, так и из Тенгьюра – основных собраний тибетских переводов махаянских сутр и трактатов Древней Индии, так и книг более поздних тибетских мыслителей.

¹ Так условно можно называть книги объемом менее 10 а. л. (400 тыс. знаков), которые в Академии наук не относят к монографиям.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

К сожалению, в Академии наук совершенно не налажен книгообмен – никак и никакой, – поэтому издание 2017 г. [1] мне досталось с трудом (при помощи С. П. Нестёркина, которому выражаю искреннюю признательность), и я получил его только в июле 2020 г. В нашей стране ученых-буддологов, занимающихся изучением и переводом текстов с восточных языков, насчитывается едва ли больше дюжины (по 3–4 человека в Санкт-Петербурге, Москве, Улан-Удэ и единицы из других мест). И вот мы лишь случайно узнаем о выходе в свет их трудов! Всё это странно и печально. Я также неожиданно узнал о четырех томах по Абхасамаяя-аланкаре, созданных Р. Крапивиной (Санкт-Петербург, ИВР РАН) и, к счастью, подаренных мне. Это ведь кладезь глубочайших познаний! Такие труды вряд ли смогут осилить начинающие буддофилы – для их понимания нужны многие годы самостоятельных текстовых изысканий и обширные знания обо всем комплексе доктрин и практик Махаяны.

И что удивительно – в Интернете легко и свободно можно обнаружить тексты на санскрите, изданные 150 лет назад, как я нашел санскритский текст Аштасахасрики, изданный еще в 1888 г. [2], а затем и более поздние издания. Но ученые книги XXI в. там зачастую отсутствуют. Везде коммерция, регистрация и прочие препятствия свободному доступу для ученых, как, например, и в серии “*Rax Buddhica*”, в которой опубликован «Восьмитысячник». Как-то нелепо все это. Делаем одно дело, а связи и взаимопомощи нет. Мои книги тоже «висят» на всевозможных сайтах без моего разрешения и за их прочтение требуется заплатить неким коммерсантам, которые их не писали и авторское право с легкостью игнорируют. На каком основании они так поступают?

Надо отметить, что переводы Андрея Михайловича отличаются рядом особенностей. В работе над ними он целиком и полностью полагается только на тибетский текст индийского оригинала, а также на разъяснения тибетских ученых монахов и переводчиков (*лоцава*). Его не занимают не только переводы санскритского оригинала на западные языки, но и издания собственно индийского источника. С этим отчасти можно было бы согласиться, если бы речь шла об индийском наследии, не сохранившемся ни в каких версиях оригинала, как то было с «Мадхьямака-аватарой» [3]² или с собранием переводов одиннадцати махаянских сутр [5].

Но как при таком подходе быть с «Аштасахасрикой» [2] – одним из самых древних источников Великой колесницы, начало составления которой датируют I в. до н. э. – I в. н. э.? Андрей Михайлович в комментариях (с. 328) приводит только «историю возникновения тибетоязычного

² А. М. Донец в примечаниях указал, что его изданию предшествовало издание другого перевода «Мадхьямака-аватары», но без автокомментария Чандракирти, а с комментарием Рендавы Шонну Лодоя [4].

варианта сутры, с которого был сделан данный перевод на русский язык». В своем крошечном «Предисловии» он пишет (с. 13), что «в Монголии и Бурятии бытует мнение, что в жилище каждого буддиста обязательно должны иметься три книги – “Праджня-парамита восьмитысячная”, сутра “Золотого света высшего” (Суварна прабхасоттама) и “Собрание дхарани”... почитание и чтение которых рекомендуется выполнять как регулярно, так и при возникновении самых разнообразных проблем». Выше (с. 12–13) он сообщает, что существует цикл из 17 сутр Праджня-парамиты, но «фактически их имеется значительно больше... и в названиях... указывается их объем. Например, “Праджня-парамита стотысячная”» и т. д.

Поскольку это издание академическое и имеет гриф института РАН, позволю себе сделать хотя бы краткое дополнение, которое, конечно, вряд ли понадобится буддистам Монголии и Бурятии, но, считаю, что ученые-буддологи должны это знать. Итак, что такое «Праджня-парамита» как термин?

На санскрите Prajñā-pāramitā, по-тибетски *shes rab kyi pha rol tu phyin pa*, по-русски значит **совершенствование мудрости**, которое считается высшим видом духовного совершенства в Махаяне. Так же называется цикл махаянских сутр и *Йидам*, или «желаемое для созерцания божество» (санскр. *Ишта-дэвата*) женского облика – воплощение мудрости будд и бодхисаттв в Великой колеснице и в Ваджраяне. Праджня-парамита, «мать всех будд», изображается сидящей в позе лотоса, с четырьмя руками, в одной из которых – книга «Праджня-парамиты», а в другой – *ваджра*.

«ПРАДЖНЯ-ПАРАМИТА-СУТРА» (санскр. Prajñā-pāramitā-sūtra, тиб. *shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i mdo*, по-русски: «Текст о Совершенствовании мудрости») – название отдельных сутр и цикла из махаянской канонической литературы (чаще употребляется во мн. ч. – сутры). Наиболее ранние образцы этих текстов Великой колесницы датируются I в. до н. э. В I–II вв. Махаяна уже имела свои сложившиеся священные тексты – *агамы*, написанные на «смешанном», или гибридном, санскрите. В этом цикле используется в целом уже разработанный терминологический аппарат, общепринятый в религиозно-философской культуре Индии.

Единство цикла подчеркивается тем, что большинство его сутр имеют в названиях число строк. Например, самыми известными и доктринально определяющими являются Восьмитысячная (*Ашта-сахасрика*-), 25-тысячная (*Панча-вимшати-сахасрика*-) и 100-тысячная Сутра Совершенствования мудрости (*Щата-сахасрика-Праджня-парамита-сутра*). Первая из названных сутр была переведена на китайский язык Локакшеймой уже в 178–180 гг. Но сохранились и «малые» варианты – от 300 до 800 строк, к ним относится, например, «Алмазная сутра», «Сутра Сердца» [6; 7; 8] и др. В этих произведениях впервые изла-

гались идеи, доктрины, практики и идеальные образцы поведения, легшие в основу Махаяны и отличавшие ее от Малой колесницы.

Относительно происхождения этих сутр существует миф, что Будда Шакьямуни проповедовал их при жизни, как и прочие сутры, но тексты «Совершенствования мудрости» были поняты только бодхисаттвами, богами и нагами (змеедраконами народной мифологии). В Махаяне признается легендарное сказание о том, что именно наги сохранили это Слово Будды в своих подводных дворцах, а Нагарджуна (II–III вв.) был первым человеком, который специально якобы спустился в эти дворцы, чтобы прочесть и постичь смысл данных сутр. Он осознал их значение, принес в земной мир и стал их распространять, истолковывать, защищать излагаемые доктрины в полемике и т. д. Поэтому его называют Вторым Буддой.

Как жанр «Праджня-парамита-сутры» продолжали создаваться и после Нагарджуны: самые поздние тантрические образцы датируются XII в. Авторам этих текстов была известна теория дхармического анализа. Термин *дхарма* в них многозначен, как и в *стхавира-сарвастиваде*³, основные же значения: «буддийское Учение» и частица «потока сознания» или *дхарма-частица*⁴. В сутрах не критикуется *Абхидхарма*, хотя и приводятся иные списки *дхарма-частиц*, которые понимаются здесь существующими вне индивидуального потока сознания, куда они попадают в процессе мышления (*манас*).

Творцы «Праджня-парамита-сутр» разрабатывали учение о созидательной функции человеческого сознания – *кальпане*. Согласно им, взаимообусловленное и непрерывно изменяющееся эмпирическое сознание спонтанно порождает *дхарма-частицы* и создает их новые комбинации, которые, в свою очередь, становятся причинами последующих сочетаний. Активная роль мышления и мыслесозидания оценивается буддийскими авторами негативно, поскольку такого рода психическая деятельность препятствует успокоению *дхарма-частиц* как необходимому условию достижения Просветления. Тексты «Праджня-парамита-сутр» рекомендуют относиться к возникающим мыслям и чувствам, т. е. к дхармическим состояниям и отдельным *дхарма-частицам*, как к «пустым» (*шуньята*) или «незначимым» для духовного роста.

Но главные идеи «Праджня-парамита-сутр» состоят в другом. Вся вселенная есть только *Абсолют*, *Дхарма*, а то, что мы различаем в ней, и многое другое является иллюзией (*майя*), маревом проявлений Тела

³ Или в Хиньяне, Малой колеснице. Андрей Михайлович предпочитает называть ее Щравака-яной (Колесницей Щраваков, или слушателей, учеников), а представителей именует «щраваками» (правда, он транскрибирует их «шраваки» – *passim*).

⁴ Андрей Михайлович, определяя «дхарму», создает странный неологизм «онтологический квант» (с. 13), что, наверное, на русском языке должно означать – «онтологическая частица».

Закона (*дхарма-кайя*). Самым высоким из этих проявлений можно считать Тело Будды, умопостигаемое в цветах и формах (*рупа-кайя*), которое дается либо в виде будд созерцания (*дхьяни-будды*) мастерам йоги, либо в виде живых будд-учителей, например *Щакьямуни*, воспринимаемых даже обыденным сознанием. Но стоит лишь вспомнить о единстве сущего, об Абсолюте, становится ясно, что между подлинной реальностью и иллюзией, между *нирваной* и *сансарой* нет никакого различия. Дхарма и состояние Будды всегда здесь, сейчас и в каждом из существ.

Необозримо много в «Праджня-парамита-сутрах» и будд. Считается, что состояния Будды (*буддхатва*) может достичь каждый. В писаниях Великой колесницы эта доктрина получила значительное развитие. Здесь Будда – высший принцип единства всего сущего, он есть везде, всегда и во всем, в том числе в каждом из бесчисленных существ, которые в результате обретения Закона и духовного совершенствования во многих жизнях в конце концов станут буддами. В то же время Будда – это и есть все мироздание, которое рассматривается как Тело Будды (*буддха-кайя*), или Тело Закона (*дхарма-кайя*). Любого рода множественность является лишь иллюзией (*майя*), например иллюзорна множественность существ в сансаре, ибо каждое из них воистину будда и, следовательно, существо *нирваны*⁵.

И наконец, собственно «АШТАСАХАСРИКА-ПРАДЖНЯ-ПАРАМИТА-СУТРА» (санскр. Aṣṭasāhasrika-Prajñā-pāramitā-sūtra, тиб. *brkhyad stong pa mdo, shes rab kyi pha rol du phyin pa brkhyad stongs pa*, «Сутра в 8 тысяч строк о Совершенствовании мудрости»). В 32 ее главах содержатся беседы Щакьямуни с его учениками преимущественно с Субхути, Щарипутрой, но иногда с Анандой и др., с просветленным существом (*бодхисаттвой*) Майтреей, а также с индуистским главой богов Щакрой, или Индрой.

В этом тексте провозглашено учение о бодхисаттвах, высшие из которых излучают беспредельное сострадание, совершенствуются в добродетелях, практикуют *праджня-парамиту* и становятся буддами. Сутра проповедует о двух Телах Будды: Явленном в цвете и форме (*рупа-кайя*) и Телу Закона (*дхарма-кайя*). Тело Закона – это абсолютные истины, сообщаемые только праджня-парамитскими текстами, чистые дхарма-частицы Будды, коими познается пустотность (*шуньята*). Тело Закона – это сама пустотность, или подлинная природа мироздания. Явленное же Тело Будды живет, умирает, хранится в реликвариях (*ступах*).

В сутре говорится об интуитивной мудрости (*праджня*) и ее совершенствовании – главном, что нужно развивать бодхисаттвам, без нее другие буддийские практики: даяния, нравственности, терпимости, усердия, решимости и даже сосредоточения (*дхьяна, самадхи*) – слепы. Учение об иллюзорности (*майя-вада*) также относится к важнейшим:

⁵ Более подробно и конкретно см. в моих книгах: [6; 7; 8] на примере русских переводов.

«Даже *нирвана* подобна мареву, сновидению», не говоря уж о вещах и явлениях. Мудрость состоит не только в восприятии мироздания и самого себя как сновидения, но и в умении созерцать пустотность (*шуньята*) – осознавать пустоту Тел Будды, его Учения, *нирваны*, *сансары* и т. д.

Сутра предложила и новую систему ценностей, в которой помимо накопления добродетели и заслуг значимы и более конкретные вещи: благополучие, долголетие, здоровье.

Останавливается А. М. Донец и на традиционной проблеме перевода, заявляя (с. 16), что следует тибетской традиции. В ней переводчики придерживаются двух основных типов: «перевода слов» (*tshig bsgyur*) и «перевода смысла» (*don bsgyur*). «Идеальным считается первый тип перевода. Однако в силу значительных различий в особенностях разных языков он фактически не осуществим на практике. Поэтому тибетские переводчики используют оба типа перевода... Опыт показывает, что буквальный или близкий к нему перевод тибетских текстов является неудобочитаемым, затрудняющим понимание содержания... Поэтому приходится сначала устанавливать смысл, а затем передавать его средствами русского языка. При этом с неизбежностью происходит интерпретация содержания, которая чаще всего делается с позиций российской ментальности... Поэтому в своем переводе мы старались находить золотую середину между буквальностью и интерпретацией, используя для этого поясняющие слова в скобках, примечаниях и другие приемы» (с. 16).

Собственно говоря, точно такие же пояснения А. М. Донец предпосылает каждому своему переводу, иногда давая более пространные пояснения (см.: [3, с. 23–25]), а другой раз более короткие (см.: [5, с. 11–12]). В рецензируемой работе он не объясняет, почему большинство ключевых терминов буддизма переводится им на санскрит, а не на русский язык. Но в предыдущих работах он пояснил свою склонность к санскритизации русского языка тем, что «в настоящее время еще не решена задача стандартизации перевода ключевых буддийских терминов на русский язык с учетом их истолкования разными буддийскими философскими школами и системами. Поэтому в ряде случаев более предпочтительным является употребление в переводе санскритских терминов...» [5, с. 11] (см. также: [3, с. 25]). Хотя тибетские мыслители VIII–XII вв. переводили на тибетский язык всю специальную терминологию буддийских источников, и они нашли такие соответствия в старой тибетской лексике.

Тибетская культура не знала тогда ни философии, ни религиозных изысков в словесности, не имела ни источниковедения, ни историографии, ни многих других гуманитарных знаний, которые известны современной русской культуре. Тем не менее тибетцы первого-второго положе-

ния грамотности⁶ смогли осуществить великий замысел – практически идентично перевести на свой язык тексты великой индийской культуры, да так, что теперь немало специалистов в состоянии сделать обратные переводы на санскрит тех из них, которые не сохранились в оригинале.

Просто умиляет такая позиция ученого-буддолога: пусть кто-то найдет стандарты перевода на русский язык тибетских текстов, которыми он занимается. В Тибете более тысячи лет назад переводчики (*лоцавы*) создавали справочники и словари и никого не просили об этом. Никогда в России не будет буддизм на равных с христианством и исламом, пока ученые будут прятать голову в песок и бояться могучего русского языка. Он позволяет отобразить любой нюанс буддизма, в том числе «клешу», «праджню», «праджня-парамиту», «бодхисаттву», «дхармату», «дхарму» и т. д. (с. 17–327).

Позволю повторно высказать свое мнение по первому термину. Если уж переводить на санскрит, то нужно делать это правильно и писать «клевца».

В настоящее время я все больше склоняюсь к возможности перевода санскритского *клеца* (а именно такова правильная транслитерация) русским метафорическим выражением «клевц, отравляющий сознание ядом», и причина этого не только в лингвистическом соответствии этих слов. Как известно, укус клеца вызывает не только кратковременное болевое ощущение (аффект), но и отравление организма ядом, излечиться от которого крайне сложно, а порою осложнения сказываются всю жизнь. Буддийскими «клевцами» считаются различные виды страсти, гнева (злости), гордыни (высокомерия, эгоизма), невежества, ложных взглядов, зависти, жадности и т. д. (см.: ДС, XXX, 21–38; LXVII: [6, с. 496–500, 537]). Все это отравляет сознание всех человеческих существ и осложняет духовное развитие стремящихся к этому. Клевцев, впившихся в наши тела, но чаще – в головы, нужно тщательно и медленно устранять. Точно так же буддийские тексты советуют поступать с «клевцами сознания». Более того, в тантрическом буддизме *клеци* именуется именно «ядами», из которых пять наиболее сильных можно устранить только посредством учения о «пяти видах Мудрости» [7, т. 2, с. 32] (см. также: [8, с. 32])⁷.

Российской школе научной буддологии уже почти 200 лет, и ее корифеи Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург и другие уже давно сказали о первейшей необходимости дословного перевода индийских и тибетских религиозно-философских текстов. В этом ключе стремятся дей-

⁶ В середине VII в. тибетская письменность была только создана и написаны первые грамматики. В последующие века, вплоть до XX в., грамотностью владели преимущественно монахи, чиновники и представители элиты.

⁷ В этих книгах имеется специальный параграф: «Как переводить? Язык исследования и язык перевода» [7 и 8, с. 23–39], поясняющий, как продолжить традиции перевода по принципам отечественной школы перевода буддийских текстов. Но кто же это все читает?

ствовать и автор этой статьи, и российский патриарх индологии Александр Яковлевич Сыркин, который завершил свой колоссальный труд по переводу на русский язык с пали «Дигха-никаи», начатый еще в 70-е гг. XX в. [9].

Печально, что другие ученые-буддологи, которых крайне мало в стране, ждут еще какой-то стандартизации вместо того, чтобы стремиться передать по-русски огромную буддийскую литературу с восточных языков. Нельзя, чтобы мы писали порознь: одни для буддистов Бурятии, другие для буддистов Калмыкии или Тувы, а третьи только для «санскритизированных» интеллектуалов. Последние, вместо того чтобы проникаться пониманием линий передачи наследия (*арья-вамша*, или *парам-парам*), жаждут преимущественно внести свое «особое» мнение и в отношении термина, и в отношении перевода, и в отношении понимания текста буддийского мудреца. Нужно писать чисто по-русски, чтобы донести буддийские значения и смыслы до всех россиян – и христиан, и мусульман, и иудеев, и атеистов, и буддистов. Все собственные мысли и домыслы, гипотезы и теории – всю собственную работу ума помещайте в комментарии, пишите самостоятельные труды. И не надо портить переводы.

Ведь они – величайшие памятники человечества, это и нравственность, и любознательность, и исследование нашего потока сознания, и совершенствование тела речи и ума. Это может заинтересовать каждого русского человека, стремящегося к добру и истине. Наши ученые усилия надо направлять на суть текста, а не на выпячивание собственного эго.

Отмечу, что комментарии в «Восьмитысячной» очень хороши и дельны (с. 328–379), несмотря на то что их автор не касается данных ни мировой, ни отечественной буддологии. Приводятся сугубо тибетские знания буддизма, цитируемые авторы малоизвестны в науке, как и те, что приводятся в «Литературе» (с. 392–396). Стиль комментариев А. М. Донца сугубо научный, здесь, в отличие от собственно перевода, вполне уместны употребляемые термины на санскритском, тибетском, русском языках. Стиль научной статьи и стиль русского перевода – это разные стихии языка. Пояснения свидетельствуют, что автор – необычайно знающий ученый, постигший глубочайшие тайны буддизма.

Но самое интересное, что в комментариях он находит русские переводы терминов. Так, на с. 329–333 переводятся и «арья», и «бодхисаттва», и «шравака», и «пратьекабудда», и «Бхагаван» (Благодатный), и «Архат», да и «клевша» продуманно объясняется, и «праджня», и «парамита», и «Татхагата», и «Дхармата», и «читта», и т. д. Уму непостижимо, зачем так перевертывать текст – всё ценное прятать в конце книги, а перевод загрязнять заимствованиями, которые подавляющее большинство русскоговорящих читателей сочтут абракадаброй и замучаются читать, даже те, кому интересна Махаяна. Нельзя же писать для кучки своих бурятских учеников, коим все можно разжевать лично.

Тем не менее стоит признать, что российская культура получила в свою сокровищницу крупнейший памятник индо-тибетского буддизма. Если помнить о том, что в Древней Индии «Восьмитысячник Совершенствования Мудрости» был создан на гибридном санскрите, то и мы получили текст на гибридном русском языке. Но отличие большое все-таки имеется. В индийском оригинале [2] смешение форм и отход от грамматики Панини свойственны служебным словам, спряжению глаголов, глагольным формам, наречиям, падежным окончаниям и т. д., а в русском переводе с тибетского урон нанесен терминологическому «костяку» текста, который вместо русского языка получил не всегда правильно произнесенные и записанные санскритские слова.

Перевод на английский язык «Восьмитысячной» с санскрита, выполненный знаменитым Эдвардом Конзе [10], тоже содержит ряд санскритских терминов в латинице: *бодхисаттва* (но часто и “enlightenment being”), *махасаттва* (“great being”), *нирвана*, *дхарма*, *скандха* (очень редко, чаще “aggregates”), *Татхагаты*, *Архаты*, *Пратьекабудда*, *Будды* (хотя, когда в речь идет о Будде Шакьямуни, о «Бхагаване» то “the Lord”), отдельные санскритские термины в латинице он дает в круглых скобках как поясняющие его перевод. Перевод Э. Конзе не содержит комментариев переводчика, текст читается и понимается легко, а все заимствования из санскрита так или иначе поясняются и переводятся. Более того, это облегчает стиль, потому что в санскритском тексте многократно употребляются одни и те же термины, имена, а в английском переводе происходит их чередование: то санскритская калька, то английский эквивалент. Возможно это потому, что на английском языке собрание буддийских источников колоссально, как и множество исследовательской литературы, в том числе и о Совершенствовании мудрости. Такая же ситуация с этими текстами и на других основных языках Запада.

Откровенно говоря, русский перевод читается непросто⁸. Тем не менее рецензируемое издание является настоящей вехой в истории отечественной буддологии, за которой, будем надеяться, последуют новые переводы и исследования значительных памятников буддийской культуры, и будут осуществляться отчетливые шаги к созданию буддийских канонов по-русски, в том числе в отношении русской терминологии буддизма. Собственно говоря, Андрей Михайлович уже воздвиг памятник, осуществив ряд переводов из Кангюра («Восьмитысячник», «Поучения

⁸ Очень удивило использование производных от понятия «грех», например, «грешный товарищ» (с. 26). Зачем это говорить в буддийском контексте, где нет Бога Творца и, следовательно, нет греха перед ним, нет нарушения заповедей ни Бога, ни Моисея, ни Христа, ни Аллаха, ни Магомета. Разве недостаточно слов «порок», «недобродетель» и т.д., указывающих, что преступив перед буддийской нравственностью, ты наказываешь сам себя, усугубляя свою карму? В буддизме нарушители нравственности виновны не перед некими высшими существами, а только перед своими будущими воплощениями. Понятие греховности к ним неприменимо.

Вималакирти», «Вопросы Сувикранта-викрамина», 11 «Сутр Махаяны») и из Тенгьюра (отдельные трактаты Нагарджуны и Чандракирти). Будем надеяться, что у него еще многое впереди.

Литература

1. Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная». Аштасахасрика Праджняпарамита Сутра. Предисловие, перевод, комментарии и глоссарий А. М. Донец. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 2017.

2. *Aṣṭasāhasrika Prajñāpāramitā*. Ed. by Rajendralal Mitra. Bibliotheca Indica. Calcutta, 1888.

3. Чандракирти. *Введение в Мадхьямику (с комментарием автора)*. Пер. с тиб., предисловие, комментарии, глоссарий и указатели А. М. Донец; под общ. ред. В. М. Монтлевича. СПб.: Евразия; 2004.

4. Чандракирти. *Введение в мадхьямику*. Переводчик-составитель Д. Устьянов. Ред. А. Орлов. М.: ЦБИ Шечен; 2001.

5. *Сутры Махаяны*. Предисл., пер., коммент. и глоссарий А. М. Донец; отв. ред. С. П. Нестёркин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 2015.

6. Андросов В. П. *Буддизм Нагарджуны. Религиозно-философские трактаты*. М.: Восточная литература; 2000.

7. Андросов В. П. *Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды*. Т. 1: Буддизм Нагарджуны: религиозно-философские трактаты. 2-е изд. М.: Восточная литература; 2018.

8. Андросов В. П. *Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды*. Т. 2: Учение Нагарджуны о Срединности: исследование и перевод с санскрита «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»), «Толкование Коренных строф о Срединности [называемого] Бесстрашным [опровержением догматических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя»). 2-е изд. М.: Восточная литература; 2018.

9. *Дигха-никая (Собрание длинных поучений)*. Отв. ред. и рук. проекта В. П. Андросов; пер. с пали, статьи, коммент. и прил. А. Я. Сыркина. М.: Наука; ГРВЛ; 2020.

10. *Astasāhasrikā Prajñāpāramitā*. Trans. into English by E. Conze. Calcutta: The Asiatic Society, 1958 (Bibliotheca Indica: A Collection of Oriental Works, Work No. 284 – Issue No. 1578).

References

1. *The Sutra of the Perfection of Wisdom in eight thousand Lines*. Donets A. M. (ed.). Preface, translation, comments and glossary by A. M. Donets. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2017. (In Russ.)

2. *Aṣṭasāhasrika Prajñāpāramitā*. Ed. by Rajendralal Mitra. Bibliotheca Indica. Calcutta, 1888.

3. Chandrakirti. *An Introduction to Madhyamika (with the comments by the author)*. Donets A. M. (transl., ed.), Montlevich V. M. (ed.). St Petersburg: Evraziya; 2004. (In Russ.)

4. Chandrakirti. *An Introduction to Madhyamika*. Ustiyarov D. (transl., ed.), Orlov A. (ed.). Moscow: TsBI Shechen; 2001. (In Russ.)

Androsov V. P. [Review on:] Donets A. M. (transl.), Lepekhov S. Yu. (ed.). Sutra "Prajna-paramita, the Eight Thousandth". Aṣṭasāhasrika Prajñāpāramitā Sutra Orientalistica. 2020;3(3):881–891

5. *The Sutras of Mahayana*. Donets A. M. (transl., ed.), Nesterkin S. P. (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2015. (In Russ.)

6. Androsov V. P. *The Buddhism of Nagarjuna. Writings on Religion and Philosophy*. Moscow: Vostochnaya literature; 2000. (In Russ.)

7. Androsov V. P. *The founder of Mahayana. Nagarjuna and his writings*. Vol. 1: The Buddhism of Nagarjuna. Writings on Religion and Philosophy. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literature; 2018. (In Russ.)

8. Androsov V. P. *The founder of Mahayana. Nagarjuna and his writings*. Vol. 2: The Nagarjuna's Teaching on the Middle: Study and translation from Sanskrit of the "Root Verses of the Middle" ("Mula-madhyamaka-karika"). "Interpretation of the Root Verses of the Middle [called] The Fearless [refutation of dogmatic beliefs and opinions]" ("Mula-madhyamaka-vritti Akutobhaya"). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literature; 2018. (In Russ.)

9. *Digha-nikaya (Collection of long teachings)*. Androsov V. P. (ed.). Syrkin A. Ya. (transl., comments and annex). Moscow: Nauka Publ.; 2020. (In Russ.)

10. *Astasāhasrikā Prajñāpāramitā*. Trans. into English by E. Conze. Calcutta: The Asiatic Society, 1958 (Bibliotheca Indica: A Collection of Oriental Works, Work No. 284 – Issue No. 1578).

Для цитирования: Андросов В. П. [Рец. на:] Донец А. М. (пер.), Лепехов С. Ю. (ред.). Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная». Аштасахасрика Праджня-парамита Сутра. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; 2017. *Ориенталистика*. 2020;3(3):881–891. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-881-891.

For citation: Androsov V. P. [Review on:] Donets A. M. (transl.), Lepekhov S. Yu. (ed.). Sutra "Prajna-paramita, the Eight Thousandth". Aṣṭasāhasrika Prajñāpāramitā Sutra. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. *Orientalistica*. 2020;3(3):881–891. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-881-891.

Информация об авторе

Андросов Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения Российской академии наук, главный редактор журнала «Ориенталистика», Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Valery P. Androsov, Ph. D Habil. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Journal of Orientalistica, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 июля 2020 г.
Принята к публикации: 25 июля 2020 г.

Article info

Received: July 17, 2020
Accepted: July 25, 2020